

А.А. Демидов

Белые крылья

* * *

Тонкое лицо императрицы,
золотая роза на груди,
брови как встревоженные птицы
крыльями взмахнули впереди,
и мелькают то леса, то скалы,
и встают из полуночной тьмы
Соловки, лубянские подвалы,
ледяные склепы Колымы,
бьются кони, плачут чьи-то дети,
тени, тени рвутся наяву,
офицеров, сваленных в подклети,
девушек, распластанных во рву,
рвется прах с заброшенных погостов,
комом к горлу подступает прах,
ледяная лапа холокоста
на Ее заснеженных полях,

но летит!
летит по белу свету,
сквозь пургу и завесь русских выюг,
бьются крылья белые по ветру,
так, что звезды падают вокруг,
в звездных вихрях
полыхает ветер,
новый век
еще сокрыт во мгле,
и несет Она тысячелетье

на своем надломленном крыле.

Октябрь 1999

* * *

Неугомонно тикают часы,
но как же быть?
Схватить и бросить на пол?
Как раньше в детстве:
бросил и заплакал...
Но бытие не приостановить.
Да и зачем?
По древним раменам
вращается священная рулетка,
и эта жизнь, дарованная нам -
небесный свод на миг попавший в клетку;
из теплой плоти клетка бытия,
мы в ней живем, мы любим и кичимся,
но миг пройдет -
и ты, мой друг, и я
из мига в вечность снова возвратимся.
Седьмой десяток длится этот миг,
как каторжник, бредущий по этапу
я жду освобождения - старик,
в младенчестве часы бросавший на пол...

Дубы шумят,
шумят над головой,
в вершинах их
холодный ветер свищет
и расставаясь с огненной листвой,
они чернеют,
как на пепелище...

В извивах их
застыла кровь времен:
набеги буйных, темнолицых ханов,
Мамай, Сапега, Карл, Наполеон,
железные полки Гудериана -
растаяли
в туманах вековых,
дубы роняют листья
и чернеют,
они шумят для мертвых, для живых,
а с новой весной - зазеленеют...

Но совершенство так же далеко,
и не дано понять предназначенья,
и просто жить -
совсем не так легко,
когда ты плыть не хочешь по теченью...
Добро и зло
сплетаются в узлы,
не нам судить
и править виноватых,
не нам исчислить
демонов крылатых
и ангелов
на острие иглы,
нас всех влечет
неумолимый рок,
нам не дано понять предназначенья,
ты перед смертью
также одинок,
как был ты одинок
перед рождением.

16-17.10.2001

* * *

Ты помнишь край -
земли и воли вено?
Степная пыль
и в пене тополя?
где бьются в белокаменные стены
хмельные волны ржи и ковыля?

Ты помнишь край.
вспрядующий из праха,
ты помнишь шлемы киевских церквей,
и золотое солнце Мономаха,
ходящее в кругу богатырей?

Двенадцать звезд,
закованных в кольчуги,
Велеса и Сварога сыновья,
земли и воли вестники и слуги:
Алеша-млад и старый Илия,

Добрыня-свет Никитич и Чурило,
боярин Ставр и гордый князь Роман,
Вольга, Всеслав, Егорий и Данило,
слепой Гакон и грозный Еруслан.

В литых ковшах бушует хмель Микулин,
гремит мечей сверкающий узор,
но минул день, богатыри уснули,
за ними затворились двери гор...

Упала ночь на древние курганы,
белеют кости за Донским холмом,
зеленый змей вылизывает раны
шершавым и горючим языком...

Пройдет сто лет,
богатыри воспрянут,
ударит гром
и горы задрожат,
и стены белокаменные встанут,
и опадет с доспехов тлен и ржа,

Ты видишь край, вспрядающий из праха,
степная пыль и в пене тополя?
Серебряное племя Мономаха,
земля и воля, воля и земля,

Ты видишь край, -
земли и воли вено,
ты видишь шлемы северных церквей,
и огненное Солнце Вифлеема,
ходящее в кругу богатырей!

1977

Куликово поле

Черен монашеский стяг,
меч на воловьем ремне,
в облаке пращур варяг
скачет на белом коне,
мечется вспученный прах,
горькое горе курия,

волки завывали в лесах,
стонет от боли земля...

Нет, не на грех
и мстительный разбой,
и не за тех,
чей век успел истечь -
за Белый Кремль
над синею рекой
я поднимаю
сергиевский меч;
сей меч тяжел,
врагу пощады нет,
в литу ю ярость
мускулистых тел
копьем ударил
инок Пересвет,
и синий Дон
от крови захмелел.
Как зерна в землю
войны полегли,
врагу и другу
жребии равны,
но отвернулись
боги от земли,
и наступило
время сатаны.
И не на грех
и мстительный разбой,
и не за тех,
чей век давно прошел -
за Белый Кремль

над синею рекой
я поднимаю
вороненый ствол.
За майский лес
за золото берез,
за одуванчик,
зреющий в траве,
за колос ржи
под синевою небес
я ухожу
по огненной тропе.

лето 1980

На смерть Шукшина

Я пришел дать вам волю!
По горячим следам,
по студенному полю,
по зеленым грядам,
конь мой мчится по землям,
серебрится копьё,
я иду, чтобы всем вам
рассказать про Неё,
до лесов Обонежья
донесет Баргузин,
только где же вы, где же,
почему я один?
Почему я не слышу
голосов на лугу?
Убежали под крыши,
как собаки в пургу?
заквохчили как куры

под тупым тесаком?
Вас, бумажные шкуры,
я сведу с огоньком!
Кто вам нынче учитель?
Вы свои, али чьи?
Почему вы молчите?
Вы кому холуи?
Вертухаи да судьи
подхлебалы в говне,
люди вы аль не люди?
Да ответьте ж вы мне!
Над моей головою
расцвело остриё.
Я пришел дать вам волю.
Вы не взяли её.

1983

* * *

Не зову к топору,
не нарушу покоя,
твой обугленный сруб
я студеной водой оболью,
и со стынущих губ
запекшихся болью
я последнюю ласку приму
и последнюю волю твою:
"Поклонись моему палачу.
Опускаясь в клоаку миров,
он возносит меня
к светоносным пределам,
поклонись палачу,
и врагу поклонись как врачу,

что, врачуя меня,
учит мужеству душу
и учит терпению тело.
Не за Царства земные -
за раны мои поклонись,
от которых меня
не сумел уберечь ты сегодня,
в первозданности звездной,
в искрометности пламенных риз,
выше ночи и дня
восхожу я к престолу Господню..."
И стою я один
посреди опаленных равнин,
вижу, стал твой Покров
как и прежде, рождественски белым,
я стою над тобою
без меча, без щита, без брони,
и в груди у меня
замыкаются красные стрелы.

1977

* * *

Взлетает к небу снежный прах
среди родных равнин,
на коловратовых полях
я остаюсь один,
ушли заклятые враги
и верные друзья,
и не видать в полях ни зги
и уходить нельзя,

Как будто это снится мне:

как отблеск древних смут -
моя страна опять в огне,
ее ведут на суд,
она разбита на куски
среди глухих равнин,
у гробовой ее доски
я остаюсь один.

Пуста холодная земля,
сверкает звездный плат,
но коловратовы поля
до времени молчат,
молчат сыны-богатыри,
их древний дух угас,
в бездонном небе до зари
сияет звездный Спас,

и замечает снежный прах
глаза родных равнин,
на коловратовых полях
я остаюсь один.

Берендеево-Шушиково

зима 1992

* * *

Пусть мертвые хоронят мертвецов,
а нам дай Бог в час грозный и суровый
не брать пример ни с дедов, ни с отцов,
но в новый мир идти дорогой новой,
она зовет, немало нам дано:
и ум, и кровь, и откровенье жизни,
так пусть играет новое вино

на радость обескровленной отчизне,
Она юна и вечность впереди,
но в грозный час огня и исправленья
отдай долги и с легкостью иди
куда влечет тебя предназначенье,
пройдут века, не сгинет род земной,
и ты, мой друг, в час грозный и суровый
повенчанный с Небесною Женой
в обители Ее вернешься снова,
вернешься ты в край пашен и лесов,
где сень берез и светлых рек разливы,
пусть мертвые хоронят мертвецов,
а мы живем, и будем вечно живы!

1979

Разговор с Н.Хрущовым

Ты был, браток, большого чина,
большой судьбы,
да что мне в ней?
Поговорить нам есть причина
без дипломатий,
без затей,
ведь ты теперь не получаешь
ни докладных, ни телеграмм,
скучаешь, батенька, скучаешь...
что ж, нынче здесь, а завтра - там...
Тебе там, видно, просолило,
и поразмыслить довелось,
тогда, смотри, как крепко было,
ан глядь, оно и порвалось.
Ведь верно, рвется там, где тоньше;

из н и х один ты русским был,
по-русски жил,
по-русски кончил,
по-русски правил и чудил,
кормил похлебкой кукурузной,
дразнил ботинком мастеров!
да видно, стал для них обузой,
перемудрил,
и - будь здоров...
Встречали солью и буханкой,
хоть драл три шкуры с мужика,
митинговал потом под банкой
у деревенского ларька,
да после драки, ведь не машут,
как ни крути, не колобродь,
но правду дал ты,
пил ты чашу,
ну, что ж, спаси тебя Господь.
Толпа той правде и не рада,
эх, слишком поздно понял ты,
что не дается в руки правда,
коль эти руки не чисты,
да, впрочем, что я, Бог с тобой,
прости,
мертвец стыда не имеет,
недаром прах мужицкий твой
в родной земле лежит.
не с н и м и.

1977

* * *

Святую властность детских лиц

не стерпит властный святоша:
 зарезал Дмитрия Борис,
 Владимир расстрелял Алешу,
 Иосиф, Петр и Иоанн,
 что после долгом оправдались,
 по государственным делам
 сыноубийством не гнушались,
 но безотчетный, смутный страх
 тирана тайно беспокоит;
 он храма правды не построит
 на детской крови и костях,
 как некий рок его изложет
 ответ, что был Сенекой дан
 Нерону: "Ни один тиран
 преемника убить не может..."

1974

Разговор с С.Е.

Ты былью был.
 Ты был как быль живым.
 Как переплыть пылающее море?
 Сергей! Сергей!
 Давай поговорим,
 давай соединимся в разговоре!

"Ты спрашиваешь, что там на селе?
 как там мужик?
 Мужик хлебнул немало;
 он Царство Божье строил на земле,
 а очутился в царствии кагала...
 и стала мужику земля горька,

не стало хлеба
и не стало воли,
да им то наплевать на мужика,
им, брат - утеха,
им, брат, до того ли,
у них пророк - премудрый Мардухей,
и вкупе с ним,
Руси устои руша,
они у нас убили двух царей,
убили веру,
убивают душу...

Бог им Судья.
А я
их не виню.
Судьба моя -
старинное смирение.
Я, как и ты
враждой не оскверню
таинственную мощь непротивленья...
Сергей, смотри!
над маревом полей
алей зари
кровавые купели,
здесь мысль тевтонца
огненной мечей,
здесь зреет Росс
в лучистой колыбели,
здесь в землю врос
воитель Святогор
перед сумой
веселого Микула,

здесь, над страной убитого Бальдура
орел ариев крылья распростер!

Теперь прощай,
идет рассвет, Серега,
встает туман
и рвется белый дым,
до скорой встречи,
подожди немного,
тогда то мы с тобой поговорим...

1976

* * *

Сидя на камне старик делал из кож сандали.
Мимо лачуги его странники в город брели.
Вдруг, к одному обратясь, злобно старик
промолвил:
"Полно бродить тебе здесь, ложью смущая
народ.
Делом полезным займись, плохо тебе
придется!"
Но, не ответив ему, люди свой путь
продолжали.
Долго старик бормотал, глядя ушедшим во
след.

Злобное слово сбылось: вновь у своей лачуги
Странника он увидал; потом и кровью облит
Странник лежал на песке. Люди вокруг
смеялись.
Дева ему, наклонясь, лик отирала платком.
"Плохо пришлось, бездельник? - злобно
старик промолвил, -
Так я и знал, что в о т т а к снова увижу тебя."

Крики умолкли на миг. Тяжко с колен
поднявшись,

Странник платок протянул; свет ослепил
старика.

В страхе зажмурив глаза, он над собой
услышал:

"Будешь бродить по земле, пока в о т т а к Его
не увидишь."

Крики умолкли вдали, пыль улеглась на
песок.

Был неподвижен старик, глядя ушедшим во
след.

Вещее слово сбылось. Смерти своей не
вкушая,

Вот уж две тысячи лет, древнею злобой
томим

Бродит старик по земле.

Имя ему АГАСФЕР.

1973

* * *

Миколушка Клюев,
дорогой братец светлый,
ты приди горемыка
поплакаться вместе
над травкою блеклой,
над квелым дитятей,
над березкой поникшей,
над посконною Русью...

Засыпали девицу
железной землею,

железной землю,
каменной рудою,
опоили сестрицу
травленной водою,
травленной водою,
черной бедою,
черною бедою,
черной полынью,
черной полынью -
черной былью...

1986

* * *

Ты ль, душа моя - сруб осиновый,
сруб осиновый, околдезный,
мохом выстелен, гнилью выеден,
зажит нечистью полуночною...
В глубине твоей еле теплится
ключевой родник из груди земной,
из груди земной, из-под камня
к свету светлому пробиваючись...
В глубину твою звезды смотрятся,
проливая свет из небесных чаш:
красна золота чаша дневная,
чаша ночная - чиста серебра,
в глубине твоей причащается
свету Божьего
Мать сыра Земля....

1975

Бомж Николай

"Сидел раз семь,
Родился в тридцать третьем,
Теперь бомжую,
Не рублю с плеча;
Недавно я покинул "Белый Лебедь" -
Козла я как-то грохнул сгоряча.
Тянул червонец я в особой зоне,
На волю вышел -
Не нашел родни,
Прошу на хлеб,
Ночую на перроне,
Вот так и доживаю свои дни.
Отца на фронт забрали в сорок первом,
Остались у меня сестра и мать;
Мы б все подошли с голоду, наверно,
Но я пошел по бану воровать.
Я старый вор,
Хотя и не в законе,
Я с детства ловко по карманам крал.
Мне семьдесят второй,
Из них на зоне
Лет сорок пять - "Хозяин" отобрал.
Ну что ж, бывай.
А мне - хоть вновь на зону,
Да больно уж не хочется назад..."
И бомж побрел, хромая, по перрону
На электричку в Сергиев Посад...
2.11.05.

* * *

Черная лента лесов,

Красная лента заката -
Еду меж двух полюсов,
Вечно я еду куда-то
Может быть, еду к тебе,
Может быть это причуда;
Даже в нескладной судьбе
Может быть краткое чудо.
Как отголоски из снов
Зубья лесных позументов,
Черные крыши домов
Врезались в красную ленту.
Черное с красным вдали,
Словно венок у могилы:
У Ярославской земли
Отняты древние силы.
Красным пылает закат,
Красное тянется выше,
Красные церкви стоят
С черной, проломленной крышей.
Камнем висит над землей
След дьяволических аур,
Ели зеленой стеной
Прячут торжественный траур.
Красный сменил голубой;
Может быть, сменится эра?
И путеводной звездой
Светит над лесом Венера.

31.10.05

* * *

И снова в путь,
И снова мчатся кони,

А Север машет вороным крылом,
Я вспоминаю теплые ладони
И встречи под Коломенским холмом.

Мы бродим
По заснеженному саду,
Небесный звон мы слышим наяву,
Играл закат
Цветами майских радуг,
И первый снег
Едва прикрыл траву.

Повсюду запредельное движенье
Высоких,
Предзакатных облаков,
Лесами скрыта
Церковь Вознесенья,
Дошедшая из глубины веков.

В один поток слились Земля и Небо,
Как нам с тобой не слиться никогда,
И, освещая горний путь к Эребу,
Зеленым светом светится вода...

31.10.05

* * *

Иссиня-звездные полотна надо мной
Торжественно звенят волшебным хором.
О, Боже!
Постоянство и покой
В Твоих небесно-царственных просторах.

А в древних храмах - строги образа.
 их взоры и восторженны и чисты,
 но, повторяя царственные искры
 сияют мне любимые глаза;
 они ведут меня во тьме ночей
 по маленьким, заброшенным селеньям,
 по змеям рельс в скрещении путей,
 по разоренным царственным именьям,
 по мертвым бревнам сваленных лесов,
 по жухлым травам вымершей России
 по серебристой корочке снегов -
 они как звезды ласковы и сини,
 и эта неземная синева
 теперь меня преследует повсюду:
 "Ты жив, мой друг?
 и я еще жива,
 отныне я всегда с тобою буду..."

7.11.05

* * *

Над Ярославлем небо синее,
 играет солнышко во льду,
 бреду как странник по России я
 да все никак не добреду,
 а все кругом по-волжски окают,
 народ степенный, непростой,
 иду я мимо театра Волкова
 до Гипрозема на постой,
 сижу на лавке на вокзале я,
 гляжу в морозное окно,
 за что такое наказание?
 ведь поезд мой ушел давно...

а небо бесконечно синее,
 а поезд жмет на тормоза,
 и вижу я в морозном инее
 твои веселые глаза,
 как лебедиными перинами
 покрыты горки и луга,
 А Волга дыбится под льдинами
 и раздвигает берега...

март 2007

* * *

Как самурай я верую в победу,
 вскочив в случайный поезд наугад
 и голову сломя, куда-то еду,
 всегда вперед и никогда назад.

Сижу в Ростове.
 Впрочем я доволен;
 забыл я паспорт, деньги и сижу.
 Не слышен звон ростовских колоколен,
 не ловят в Неро семгу и кумжу,
 старинный край,
 он погребен под снегом,
 он погребен под грудой грозных лет:
 большевики проехались набегом,
 но дешево здесь продается хлеб,
 день нынешний не то, что день вчерашний,
 оглядываться незачем назад -
 ем с упоением
 теплый кус черняшки
 здесь купленный
 за восемь пятьдесят...

3.3.2006

* * *

Застыл под снегом Переславль-Залесский
как Китеж - у Плещеева на дне,
в его дубравах Александр Невский
езжал с дружиной на борзом коне,
как будто снится сон придонной рыбе:
дивится на подводную красу,
а мы живем оттуда на отшибе
за тридцать верст, в разбойничьем лесу,
тут света нет, сугробы да морозы,
сквозь сучья ветер рвется напролом,
нерусский черт старинную березу
под корень валит ржавым топором,
трещат дубы, вращаются планеты,
мерцает память свечкой на столе,
чего еще мы ждем от жизни этой,
чего еще мы ищем на земле?
о чем молчим в декабрьскую стужу,
о чем мечтаем с горем пополам?
Друзья, родные, - те, что грели душу,
уже давно легли по бугоркам,
их били ветры, их дожди косили,
а матери будили на заре,
родная, бестолковая Россия,
как пегая корова на бугре...

Заиндевет глиняная крынка,
с угарной печки дым застит глаза,
дрожит шестиугольная снежинка
и на реснице тает как слеза,

что ж, этот лед и холод нам в привычку,
 мы сыновья январских холодов,
 за дальним лесом воеет электричка
 как стая не дострелянных волков,
 от толкачей разит московской водкой,
 в проходе ковыляет инвалид...
 теленок с перерезанною глоткой
 молочными губами шевелит...
 а ветер замечает перелески,
 дрожат над полем звездные часы,
 с иконы смотрит Александр Невский
 и строго улыбается в усы.

декабрь 1996

Александров

Застрял надолго.
 Поезд в пять утра.
 Сижу, кемарю, пиво пью с бомжами...
 Где ты теперь, любимая сестра
 с восторженными синими глазами?

В них плещет детство,
 юность и весна,
 их жизнь не обесцветила нимало...
 На стынущем перроне тишина,
 лишь скорый пронесется у вокзала...

Как поезд память улетает встарь;
 бурлила здесь совсем иная эра,
 плодя доминиканские химеры,
 днешь пиروвал свирепый Грозный Царь;

служил царю людскими головами
кудратый пес опричного полка,
и разливалась Серая-река
запруженная мертвыми телами...

Но тут же распевали соловьи,
зиме весна сменяла, лето - осень...
Ковал свою Державу на крови
мятущийся московский венценосец,

кончались жены, дочери, сыновья,
не укротив стремительного сердца,
испуганные гневом Самодержца,
к врагам бежали древние Князья,

В канонах мрачных власть и веру слив,
он укротил боярскую стихию,
и, вольность скандинавскую сломив,
в казанское ярмо запряг Россию.

Здесь жезлом сына поразил отец,
мольбам Бориски в ярости не внемля,
пылал зажженный молнией дворец
и чёрный гроб из тучи пал на землю...
Свистели по болотам кулики,
а честники их били для забавы,
отсюда шли железные полки
на все четыре стороны Державы,

сливались вместе спесь и простота,
воплъ дьявола и ангельские звоны,

и всюду два катарские перста
торжественно вздымались на иконах!

По всей Европе мутная волна
захлестывала искру реформатов:
дробила кость стальная борона
латинских булл и засланных легатов,

Филипп и Альба Фландрию сожгли,
как, якобы, им повелел Распятый,
на Темзе к Мэри головы несли,
в Париже жег за ересь Карл Девятый,

костры и плахи без конца цвели
от Кракова до Гента и Мадрида,
зверела католическая гнида,
а гёзы жгли на море корабли...

Когда же рясы и святые столы
Царя нудили развязать резню,
он отвечал: "Караю я крамолы,
но никого за веру не казню!"

О вере дискутировал он жарко,
и, переспорив езуитский толк,
он им кричал, что Римский Папа - волк,
а лютеран лупил по плечи палкой!

Давно минули эти времена,
но их огонь еще незримо тлеет,
живи! моя нетленная страна,
пусть Божья воля над тобой довлеет...

Но вот и поезд.
Снова мне пора,
и снова ветер утренний повеял,
я еду в край блаженных берендеев,
до новой встречи, милая сестра...

9.12.05

* * *

Букет болотной сушеницы,
засохший на моем окне,
и на бревенчатой стене
внезапный профиль синей птицы,
а за окном опять мороз,
в сугробах пни, стога и склоны,
и ветки троицких берез
звенят тихонько у иконы,
мычат коровы за стеной,
грибы на проволоке томятся,
и даже в душу стал вбираться
жар опьяняюще печной.
"Береза", "птица", "гриб", "зерно",
слова понятные, простые,
"Что было - было так давно...."
Слова, кавычки, запятые...
Они сливаются как сон
и глохнут в шуме непогоды,
и ты как прежде окружен
скупыми жестами природы:
мороз и солнце в тишине,
тревожный вскрик случайной птицы,
и на сияющем окне

букет болотной сушеницы...

20.07. 2000

* * *

Спасибо, чешский дух,
с рождественской игрушкой
и много лет спустя,
ты приходил ко мне,
твой бравый Йозеф Швейк
с огромной пражской кружкой,
твой Палах, как свеча,
зажженная во тьме -

мою родную Русь ты не вини за эти
позорные из всех
отсчитанных страниц,
мне добрый братец Гусь
дороже всех на свете
домашних голубей
и перелетных птиц -

мы были все в плену,
пусть вещие Кассандры
нам не накликают еще какой беды,
пусть новую войну
не вздуют саламандры,
и воды влтавские
останутся чисты,

порогом двух племен
сияет злата Прага,
пусть сочетается разумно с двух сторон

прохлада девичья и львиная отвага,
вода славянская
и каменный тевтон,

пусть злата Прага тут
сияет добрым взором,
не в преткновенье нам
пойдет ее гранит,
и пусть он станет сам
тем камнем, на котором
придя на Страшный Суд
Европа устоит

Прага, август 1998г.

перед югославской войной

* * *

Ах, как бы не остаться мне без крова,
уж больно огрызается родня;
мои пенаты Кергиш и Шушково,
что будете вы делать без меня?
придет к вам новый бестолковый барин,
и затрещат дубы под топором,
а лесники как мухи на опаре
нажрутся в досталь краденным добром,
и только ветер - друг прямой и ярый
сухим листом над лесом прошуршит,
взойдут Плеяды, Рыбы и Стожары
и лунный блеск поля посеребрит,
ведь нет конца, и все начнется снова,
придет медведь к колодцу во дворе,
и будут млеть в полуденной жаре
мои пенаты - Кергиш и Шушково.

13.01.2007

* * *

Покуда Марс еще идет назад,
пока Сатурн во Льве мне душу греет,
беспечность и божественный азарт
моей душой как женщиной владеют,
на краткий миг вернулась юность мне,
благодарю тебя, моя подруга,
я пребываю как в волшебном сне,
стихи летят, как будто птицы с юга,
душа поет про все, что скрыто в ней,
о вечном счастье, о любви и вере,
пред тем, как с клином белых лебедей
навек уйти на дальний русский Север....

2006